

В.Б. Родос

АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СУХОТИН

Тысячи людей знают по имени, да и в лицо узнают Анатолия Константиновича Сухотина. Одних студентов ТГУ взять за несколько-то десятилетий!

Сотни, многие сотни людей знают его лично, за руку здоровались, за одним столом сидели, чокались. Сейчас, в юбилей Сухотина, заново припомнят и хором перечислят его многочисленные заслуги, успехи, назовут звания, должности, посты и титулы, поимённо вспомнят друзей, коллег и учеников, перечтут все медали на его груди и ордена. Не просто в такой юбилейной обстановке сказать что-нибудь ещё, отличное, забытое или пропущенное. Не стану и стараться.

Поэтому мимо науки, философии, даже родного для нас с А.К. Сухотиным факультета, скажу-ка я несколько слов о личной интеллигентности Анатолия Константиновича.

Существует множество идейно различных определений этого сложного понятия. *Интеллигенция* – это вовсе не душа народа, но зато его мятежный, строптивый, непокорный дух. На неё косятся, когда выискивают причину надвигающейся смуты. Резонно. Смута всегда зарождается именно там. Ну кому еще придёт в голову призыв установить диктатуру власти самого неграмотного, идейно пустого класса – пролетариата? Не самому же пролетариату. Пролетариату самому власти не надо, ему бы только хлеба да зрелищ, водки и крови. И побольше, побольше. Пролетариату власть отдать, себе на погибель, – это интеллигенция придумала.

Среди футбольных тренеров бытует фраза: «Выигрывает команда, проигрывает тренер». Похожая ситуация с интеллигенцией. Всё хорошее, прогрессивное создано кем угодно, только не интеллигенцией, зато именно она ответственна за всё плохое и опасное.

Люди и сами в основном не жаждут называться интеллигентами. Хорошее образование, умелое воспитание, утончённые манеры – завидная позиция, но интеллигент? Нет. Спросите в соседнем отделе. За интеллигентность не платят.

Так вот. Почти вся активная жизнь Анатолия Константиновича Сухотина прошла в страшноватые времена жутковатых порядков. Партия себе шла всегда верной дорогой, но пьяной походкой, а интеллигенция служила партии для вытирания грязных ног. Благодарной подстилкой и по совместительству служила интеллигенция бесплатно в труху размолотой прослойкой между жерновами могучих классов.

Нынешняя молодёжь, представители которой полагают, что в последней мировой войне Россия противостояла Наполеону (по материалам школьных и студенческих опросов. Вариант: СССР воевал с США), не твёрдо знают, кто такой Ленин (больше всего мне нравится ответ московского студента: «Ленин – это русский космонавт»). С буквой «ф») и не узнают его на портретах, не только не знает, но и едва ли поймет, как это было. Попробую восстановить общую картину на одном примере.

В пантеоне моей личной памяти исключительное место занимает мой многолетний старший друг Пётр Васильевич Таванец. В течение приблизительно тридцати лет он был главным логиком страны – возглавлял сектор логики Института философии Академии наук СССР. С ним даже сам Сталин консультировался по телефону по логике. И Таванца после этого не расстреляли, даже не посадили. Наоборот, среди партийных главарей и паханов, особенно Грузинской ССР, стало на полгода модно, почти обязательно звонить по ночам Таванцу и задавать ему какие-нибудь вопросы по логике. Ему даже платили за это.

Но я-то Петра Васильевича любил за мудрость и за исключительно преданную любовь к искусству. К живописи, к поэзии и вообще к литературе. Энциклопедист высочайшей пробы. Больших специалистов, даже и равных и сравнимых, я в жизни не встречал. Был он, конечно, партиен, а до войны был и преданным вдумчивым марксистом. Однако разобрался, понял, разочаровался и отряхнул прах.

– В такой стране, Валерий, – неоднократно, а пожалуй более чем десять раз, говорил мне Таванец, – хорошо дуракам, они ничего не понимают, все-му, что в газетах написано, – верят. Видимо, и я в начале был таким дураком. Я помню, какой у меня был энтузиазм. Ну, а если не дурак, то как жить? В этой страшной стране. Надо пойти на Красную площадь, облить себя керосином и поджечь (в это время в Москве как раз произошло несколько подобных случаев). Но для этого надо быть героем, борцом! Есть такое определение, что герой – это этический гений. А гении – это редкость! Не в каждой стране, не в каждый момент времени.

Я понял про себя: нет, я не герой. Не герой, не борец, не революционер, я – клуша, домосед, мне всё это не по сердцу. Люблю живопись разглядывать, музыку слушать, книжки читать. Как же жить? Надо приспособливаться. Надо стать прохиндеем. И я стал прохиндеем. Я, Валерий, всю жизнь прохиндействовал. Прямых подлостей я не делал. Старался не делать. Помните, Валерий, пословицу: «Порядочный человек тот, кто делает подлости без удовольствия». В этом сатирическом смысле я не только не прохиндей, но вполне порядочный человек. Только то, что необходимо для выживания. И не каюсь. Такая страна. Слишком высоко поставили планку порядочности. Или герой, тогда бери банку с керосином и иди на Красную площадь. Или прохиндей. Так вот: я – не герой.

В этой стране герои добровольно погибают, а жить могут только дураки, кто думает, что так и надо, или прохиндей. Вы же не дурак, Валерий!

Эта формула Петра Васильевича – «Дурак или прохиндей» – меня не удовлетворяла, прямо раздражала и оскорбляла. Я каждый раз яростно и упорно спорил. Знающие меня подтвердят. Множество примеров и аргументов придумал, иной раз неплохих. Таванец даже слушать не хотел, не соглашался.

Я остро вспомнил концепцию Петра Васильевича в ходе эмиграции.

Американские власти при оформлении допуска в США старались не давать разрешения бывшим коммунистам. У них была установка: коммунистом мог быть только преступник (это усиленный вариант «прохиндея» Таванца) или человек психически больной (у Таванца всего лишь дурак), они требовали справок или документов, что это не так.

«Дураков», в терминологии Таванца, я встречал много. Особенно на идеологических кафедрах. Аж глаза горели от энтузиазма. Называть имена не буду. Прохиндеев было еще больше. Может, ещё и не всё понимали, но уже давно ни во что не верили. Однако семья, дети, служба, карьера. Производственные отношения. Они платят, они и музыку заказывают, мы за это отработываем: в дудки дудим и пляшем. Работа не сложная, особенно если совесть тряпочкой прикрыть.

Согласен или нет, но вот такая была ситуация.

Вот когда снова возвращаюсь к Сухотину.

Опять немного в сторону. Как умники научились говорить, *пreamбула*.

Иногда о каком-то сложном явлении разные люди говорят настолько по-разному, что трудно углядеть, что они так говорят и рассуждают об одном и том же. Вот, скажем, о Петре Первом. В ассортименте от *Великого императора, гениального создателя* новой России до психически неадекватного гомосексуалиста, большого сифилисом. Широкий набор определений о Ленине. Тем более о Сталине. Одни его кровавым, паранойным палачом величают, другие на партийных штандартах с гордостью по площадям на руках носят.

Или взять хотя бы нынешнего президента. От освободителя – до душителя...

И я, может быть, потому, что по образованию логик, взял себе за правило для каждого такого сложного явления придумывать некий словесный заменитель личного пользования, удобный в употреблении смысловой эквивалент. Никому никогда вслух не назову, только для себя, как ключ от шифра. Что бы ни писали, как бы ни хвалили или проклинали, а я припомню код – и сразу готов ответ, моё личное мнение:

– Ну, в общем – да, такое допустимо, но только в ограниченной степени.

Или в другом случае:

– Враньё, не подходит. Кто-то другой, но этот, у меня отмычка есть, – никогда.

Так вот теперь уже можно признаться, что лично для Анатолия Константиновича Сухотина (на самом деле для двоих. Еще и для Льва Владимировича Алякринского. Уместно в связи с двадцатилетием факультета и этого замечательного человека помянуть самым добрым словом) присочинил такую разгадку, расшифровку личности: аристократ, потомственный дворянин, белогвардейский офицер.

Почему белогвардейский? Это все советское кино. Там героические красные комиссары изображались в пыльных шлемах и в основном кривоногими молодыми крепышами из народа с подлинно русскими, широкоскулыми, суровыми лицами. Зато белых офицеров – тонкая кость, голубая кровь – играли актёры очень высокие, стройные, с прямой спиной, не гнущиеся при ходьбе. У нас на кафедре, а потом на факультете таких было ровно два: Сухотин с Алякринским и рядом с ними не было других подобных, никого больше.

И вот этот мой ключ помогал мне понять поступки и дела Сухотина. Даже в общих чертах предсказывать его реакцию, поведение.

Как должен вести себя, как обязан поступать дворянин, белый офицер, когда у руля власти встал хам, с кровавыми по локоть руками?

Да вот же, посмотрите на Анатолия Константиновича.

Себя не выдавать, не подставляться, но беречь честь. Никого не топить, при возможности спасти, помочь, духовно обогреть. Пройдет смута. Смуты не вечны (но одна переходит в следующую). Закончится хамская власть. Пора придет, надо будет культуру грядущим поколениям передавать как эстафету.

А положение Сухотина было нелегким. Фронт ему достался едва ли не самый тяжелый. В густом идеологическом тумане он возглавлял кафедру, а позже факультет, специализирующийся по запудриванию мозгов молодым специалистам.

Как же при таких обстоятельствах честь не уронить?

Тут можно выделить темы:

Сухотин как администратор;

Сухотин как научный руководитель;

Сухотин как автор книг и статей;

Сухотин как лектор

(и, наверное, много других).

Администратором Анатолий Константинович был золотым. Доброжелательный, мягкий. Если где-то сверху сверкали молнии партийного гнева и слышался гром устрашающий, то Сухотин был для кафедры, для факультета зонтиком, навесом, крышей, громоотводом. *Отец солдатам*. Это сверху. А вниз... Если надо было сделать подчиненному замечание, краснел и извинялся. В ситуациях сложных, этически неоднозначных, а такие случались едва ли не каждый день, Сухотин отворачивал голову и некоторое время понуро смотрел вниз, куда-то в пол. Мне кажется, не столько думал, размышлял, сколько сверялся с образом себя самого. Недовольство подчиненными Анатолий Константинович проявлял в форме удивления. Сильное недовольство в форме недоумения. Плечи поднимал и брови. – Ну, мол, как же вы так?

К начальству высокому, страшному входил, защищал кафедру и отстаивал. Просил за ассистентов, квартиры для них выпрашивал, новые ставки. Да мало ли ещё что. По идеологической части Сухотин делал минимум из необходимого и тоже без энтузиазма, а иногда и с извинениями. Пожимал высокими плечами:

– Ну что мы можем сделать? Требуют!

Внешние, враждебные силы. Угнетатели. Крепостное право. Партийное иго!

(В этой связи, но в прямую противоположность Сухотину, вспоминается другой томский начальник из философов. Вообще говоря, тоже мягкий человек. Но как бы другого сорта. Трудно забыть, как на внутреннем заседании, когда обсуждались профессиональные сугубо философские вопросы, он с изумлением спросил:

– О чём вы спорите? Ведь райком партии уже принял решение.

Куда там Аристотелю или Платону, когда райком сказал своё мудрое партийное слово. Страшнее кошки зверя нет.)

Сухотин же не обременял. Не настаивал. Даже не уговаривал. Просил. Только для отчёта, чтобы отвязались.

Беру смелость сказать, что вся эта официальная, государственная идеология была лично Сухотину Анатолию Константиновичу поперёк горла,

поперек души. И он оберегал от неё не только себя, но брал под защиту и всю кафедру.

Мягок и ласков был Анатолий Константинович со своими научными питомцами. Как и подобает, впрочем, подлинному интеллигенту. Почти пятнадцать лет я руководил на кафедре, позже на факультете аспирантским семинаром. Знаю, что одним аспирантам можно и удобно давать свободу. Сами всё что надо найдут, закажут, с кем полезно, свяжутся, как сумеют, аргументируют. Иным же аспирантам необходим короткий, строгий поводок. Конкретное задание, срок выполнения, проверка, новое задание. В промежутках физические упражнения для восстановления дыхания.

Сухотин же был неизменно демократичен. Никогда не давил. Не приказывал. Даже советовал мягко. В очень широком не обременяющем диапазоне. И в общих чертах понятно почему.

Защититься было легко. Едва ли Сухотин знал максимум едкого на язык Александра Александровича Зиновьева:

– Каждый человек, кто закончил нормальную советскую школу, не школу для умственно отсталых детей, легко может защитить кандидатскую диссертацию по философии.

Иногда Зиновьев добавлял:

– А если ему очень хочется, то и докторскую.

Теперь, во времена инфляции этих некогда уважаемых научных званий, верность этих зиновьевских положений очевидна.

Тем более легко было защититься, если в руководителях у тебя числился сам Анатолий Константинович. Философский авторитет Сухотина в стране был исключительно высок. Ну кому это так приспичило утопить ученика Анатолия Константиновича? Ведь потом в сообществе профессиональных мыслителей руки не подадут.

В Америку я привез целую стопку книг Сухотина с его любезными автографами. И после моего отъезда Анатолий Константинович отнюдь не сбавил темпа. Лекции постепенно перестал читать, не читает, зато книги, научные монографии, каждая весом с докторскую диссертацию, – как с конвейера. Круг интересов Сухотина: в целом наука, выдающиеся учёные, познание, познавательный процесс, принципы и методы познания. Каждая книга Сухотина – нечто вроде справочника по широкому кругу проблем. Огромное количество хорошо, умно, со вкусом и пониманием подобранных цитат выдающихся людей всех времён и народов. Если что-то, кто-то сказал значительного по интересующей тебя теме и у Сухотина Анатолия Константиновича об этом уже книга вышла, – всё у него и найдешь в достаточном количестве и в изящном исполнении. Да вот, кстати. Если кому приходилось читать философскую литературу, может быть, замечал, что она частенько написана на особом птичьём языке. Щебет. Одна фраза следует за другой, грамматические правила соблюдены, а смысл ускользает. Его и нет совсем. Так философски умно, что скорее заумно. Нагромождение утёсов слов скрывает крохотную, едва живую мысль. А скорее всего, изначально и не было никакой мысли.

Не то в сочинениях Сухотина. Я много его книг прочитал, некоторые даже редактировал. Мне нередко казалось, что Сухотин филолог по первичному

образованию, на самом-то деле скрытый, неизвестный общественности поэт, стихи изысканные пишет, только стесняется публиковать. Изложение ясное (что лично я считаю обязательным: умный не умный, знаешь не знаешь, но мозги другим не пудри. Если есть что сказать – говори членораздельно). Книги Сухотина не только ясны, понятны но и замечательны своим стилем. Литература, гладкопись, высокий для науки, почти изящный штиль. Последовательность изложения, аргументация, образы, примеры и фразы, фразы. Каждая – образец соответствия мысли стилю изложения.

И наконец, последний из объявленных пунктов: лекции Сухотина как проявление его общей интеллигентности.

Во-первых, содержание. Факультет назывался философским, но ведь люди, народ, особенно технари со стороны частенько называли его факультетом марксизма-ленинизма. Какая же это философия? Как же с этим Сухотин разбирался? От чего и как отмежевывался? Ведь он же и декан, и зав, и просто рядовой член.

Все идейно невнятные догмы марксизма, которые должны были ровным слоем полностью заполнить мозги студентов за полный курс из шестнадцати лекций, Анатолий Константинович умещал, втискивал в три. Без изуверства, галопом он отговаривал то, что положено, а всё остальное сэкономленное время с тонкостями и личным удовольствием посвящал завлекательным для пытливого ума проблемам философии математики. По количеству гениев, кто занимался этой проблематикой, тема обоснований математики сопоставима с теоретической физикой, едва ли с чем-нибудь иным. Тут Анатолий Константинович не торопился, каждую проблему не только объяснял, но представлял, анализировал, можно сказать, презентировал.

Однако главное всё же не содержание сухотинских лекций, а способ изложения, язык лекций, манера преподнесения материала.

Читал как-то Анатолий Константинович открытую лекцию. Это когда после лекции коллективное обсуждение. Мероприятие сомнительной полезности. Но на лекции Сухотина ходили без принуждения. Во-первых, это легальная возможность сказать прилюдно гадость начальнику. А к тому же Сухотин замечательный лектор, его и критиковать не за что. Так на этом обсуждении один молодой доцент, несколько льстивый человек прогрессивных взглядов, сказал:

– Я восторгаюсь Анатолием Константиновичем. Я хотел бы походить на него...

При этих словах, я аж подскочил:

– Такой Растакойтович! Ты чего такое говоришь? Ты приглядиись, Сухотин как минимум на полголовы тебя выше, стройнее и, как бы это повежливее отметить, он хоть и старше, но волос на голове у него погуще твоего. Анатолий Константинович за кафедрой выглядит как потомственный аристократ на коне. Вот он и лекции читает в такой манере. И идёт ему такая манера. Этого нельзя перенять. Например, я выгляжу как клоун в цирке, так себя и веду, лекции читаю – подпрыгиваю, смешу аудиторию. Не можешь ты выглядеть как Сухотин, потому что не похож ты на столбового дворянина на жеребце, а похож ты на прораба со стройки. И можешь ты, как прораб на стройке, вот так себя и вести. Строй, возводи, черти мелом на доске.

Он, конечно, не согласился. А кто вообще когда с кем соглашался? Только в кино.

Я слушал сотни лекторов. Не только в студенчестве, тогда я как раз многие лекции пропускал – скучно, а именно потом. Для интереса. На разных факультетах в разных городах. Ходил к лекторам, которых студенты хвалят, не уму-разуму поучиться, своего хватает, а мастерству, риторике (как-то говорю Алякринскому:

– Лев Владимирович, пустите меня к себе на лекцию, не контроля ради, а поучиться для!

А он наклонился к моему уху, всё ж-таки большая разница в росте:

– Не ходи, Валера! Сплошная идеология).

Свидетельствую: лекции Сухотина были значительно выше среднепрофессорского уровня по стране. Очень немногие, редкие профессора МГУ могли бы с ним потягаться. Не стану долго говорить, упомяну только одну и в общем-то не самую важную деталь. Довольно часто Сухотин иллюстрировал философские положения цитатами стихов. Читает себе, читает и вдруг – раз и строфу из Блока. Наизусть. Но ещё гораздо удивительнее из Гёте, из «Фауста». На языке оригинала.

Стихи на лекции многие произносят. Лично я едва ли не на каждой лекции. Но чтобы на иностранных языках... Ну, помню на филологическом факультете МГУ Радциг Гомера шпарил на древнегреческом. Остановиться не мог. Можно было входить и выходить, руками размахивать, хоть петь-танцевать, он ничего не слышал, не видел. Своего рода транс. Или наш Асмус Валентин Фердинандович. Этот, правда, небольшими яркими цитатами включал в текст Вергилия, например. На языке оригинала с собственным стихотворным же переводом. Потрясение. Сквозняк в извилинах мозга. И вот Анатолий Константинович читает, читает и вдруг остановится, свежего воздуха вдохнёт и по-немецки прямо из Гёте кусок строк как минимум на восемь. С выражением. Не актерским выражением, а выражением глубочайшей почтительности и личного восторга. Отмечу тут не только своё мнение, но и общестуденческое: народ замирал. Народ просыпался. Не в том дело, что кто-то нерадивый прямо за партой спал, мне лично приходилось, а просыпался из одной реальности к более высокой и гордой. Я думаю, студенты об этом дома родителям рассказывали, в общежитии друзьям, а потом и детям своим. Хвастались своим профессором. Нашим. Это дорогого стоит.

И уж поскольку рядом лежит: об аристократизме отношения Сухотина Анатолия Константиновича к самому языку в целом. Ну, применим мой ключик: дворянин, офицер какому языку должен был отдавать предпочтение? Правильно. Великому русскому литературному языку. Чем выше и изысканнее стиль, тем большее предпочтение. Сначала я не понял легкого, но нескрываемого пренебрежения со стороны Сухотина проблематикой диалектологии, всеми этими жаргонами, сленгами и арго. Потому что это всё – не литературный язык высочайшей пробы. И потому же не шёл Анатолий Константинович ни на какие уступки студенческим бытовым выражениям и даже в порядке примеров для осуждения в лекциях их не приводил. Уж не знаю, когда он сам студентом был, пользовался ли студенческим лихим жаргоном. Едва ли. Пренебрегал, наверно.

И другая сторона этой же проблемы. Терпеть не мог Анатолий Константинович так называемой табуированной речи, проще говоря, мата. Даже удивительно! Боевой офицер, воевал... Как же так? От слов этих боевых, краснел, аки девушка. Я не стану рассказывать тех конкретных, иной раз исключительно смешных случаев, когда Сухотину при людях приходилось слышать такие слова, например в виде вкраплений в анекдоты... Или как оппонировали мы на учёном совете, который Сухотин возглавлял, иногороднему диссертанту с довольно известным философом из Москвы. Человек тот был энергичный, деятельный и мат русский любил, мне ещё поучиться. Так вот... Нет, не буду.

Кажется, у писателя Юрия Олеши я читал, что он не знает ничего смешнее, чем широко используемое русское слово, набранное типографским шрифтом. При этом в тексте именно это слово было как раз набрано типографским шрифтом. Чтобы не было недоговорённостей, скажу, что это с трёх лет от роду всем на Руси знакомое четырёхбуквенное слово обозначает, по Бахтину, «мягкий низ спины». (Ольга Геннадьевна Мазаева чуть не слёзно просит меня не писать, не использовать это слово в печатном виде. У неё от него то ступор, а то прямо кратковременный обморок. Не до смеха. Пришлось прекратить писать. Вот ведь и Пушкин с Лермонтовым, и Вяземский, и Достоевский. И что особенно меня поразило – Лев Николаевич Толстой. Не менее чем граф, и борода до пояса, а иногда тоже загибал.)

Доживи Олеша до наших дней, вот бы нахохотался. Теперь и это слово, и гораздо более, если так можно выразиться, табуированные слова можно найти на первых страницах, набранные крупным шрифтом в заголовках центральных газет. Не говоря уж о современной высокохудожественной литературе.

Перечислять писателей я даже не буду. Боюсь обидеть кого неупоминанием.

Нельзя сказать, что каждый день, но иногда я думаю, как же теперь в эти-то разгульные времена языкового бесстыдства Анатолий Константинович читает? Тем более что он книголюб, читает много. И что он теперь читает, и насколько осторожно страницы переворачивает, и с каким выражением омерзения захлопывает...

Всё не вспомнишь, а и того, что вспомнишь, вслух не скажешь. Завершаю. Долгих Вам лет безмятежной жизни, дорогой Анатолий Константинович. Многих нам Ваших новых книг и статей.